

Новейшая арабская литература. «Взломщик» Эдвар аль-Харрат

© Аль-Рахби А.М.(Оман)^{a,b}, Зарытовская В.Н.^{a,c}, 2022

^a Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

^b ORCID ID: 0000-0003-4010-1634; al_rakhbi_a@pfur.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

Резюме. Статья посвящена освоению модернизма в арабской прозе и творчеству одной из самых заметных фигур этого течения - египетского писателя Эдвара аль-Харрата (1926-2015). Окончание доминирования классического романа и обращение в период его расцвета поколения 1960-х к новым художественным техникам связывается с Шестидневной войной 1967 г. и ее социальными последствиями. Отмечается, что для литературных кругов это была смена дискурса художественных произведений - с возрождения (ан-Нахда) на поражение (ан-Накса).

Описывается художественный метод Эдвара аль-Харрата на примерах раннего рассказа «Вокзал» и романа «Рама и дракон», внесенного Союзом арабских писателей в десятку лучших арабоязычных романов XX столетия. Выделяются тематические блоки, главные из которых - вечные темы любви, жизни и страдания - пропускаются автором через эллинистическую и ближневосточную мифологии и христианскую философию. Анализируются такие приемы, как игра с хронотопом, нелинейная хронология, интроспективность и др.

Подчеркивается значение теоретических работ аль-Харрата по литературе, где осмысливается художественный метод, определенный как «новая чувственность» и противопоставленный тому, что было названо «аль-махфузией» - квинтэссенцией социального реализма, самым ярким представителем которого в арабской литературе был лауреат Нобелевской премии Нагиб Махфуз.

Ставя вопрос о роли аль-Харрата в истории новейшей литературы арабских стран, авторы пытаются снять противоречие, которое усматривается в неподражаемости аль-Харрата и его одновременном принципиальном влиянии на последующие поколения арабских прозаиков.

Ключевые слова: арабский модернизм, «аль-махфузия», «новая чувственность», Эдвар аль-Харрат, «Вокзал», «Рама и дракон»

Для цитирования: Аль-Рахби А.М. (Оман), Зарытовская В.Н. Новейшая арабская литература. «Взломщик» Эдвар аль-Харрат. *Азия и Африка сегодня*. 2022. № 8. С. 78-84. DOI: 10.31857/S032150750021327-1

Modern Arabic Literature. "The Breaker" Edwar Al-Kharrat

© Ahmed M. Al-Rahbi (Oman)^{a,b}, Victoria N. Zarytovskaya^{a,c}, 2022

^a Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

^b ORCID ID: 0000-0003-4010-1634; al_rakhbi_a@pfur.ru

^c ORCID ID: 0000-0001-9910-7913; widaad@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the developing of modernism in Arabic prose and the art of one of the most prominent figures of this trend - Edwar al-Kharrat (1926-2015). The end of the dominance of the classical novel exactly in the first half of the 20th century and the turn of the generation of the 60s to new artistic techniques is directly associated with the historical events of 1967 (Six-Day War). It is noted that one of the consequences of these events for literature was the change of discourse - from revival (an-Nahda) to defeat (an-Naksa).

The artistic method of Edwar al-Kharrat is characterized in detail on the examples of his early story "Station" and the novel "Rama and the Dragon", which was included in the top ten Arabic-language novels of all time by the Union of Arab Writers. The authors distinguish thematic blocks in the works of al-Kharrat: the eternal themes of love, life and suffering, which are passed through Hellenistic and Middle Eastern mythologies and Christian philosophy. Such techniques of al-Kharrat as playing with the chronotope, narration through the subjective perception, attention to sensations, replacing the plot with a description, using dichotomy - the opposition of male and female, Christianity and Islam etc. are highlighted.

Also the authors stress the significance of al-Kharrat's theoretical works on literature, where the artistic method, defined by him as a "new sensibility" and opposed by critics to what was called "al-Mahfuzia", is comprehended. The question is raised about the role of al-Kharrat in the history of the latest literature of the Arab countries, while the authors try to remove the contradiction that is seen in the inimitability of al-Kharrat and his simultaneous fundamental influence on subsequent generations of prose writers.

Keywords: Arabic modernism, "al-Mahfuzia", "new sensibility", Edwar al-Kharrat, "Station", "Rama and the Dragon"

For citation: Ahmed M. Al-Rahbi (Oman), Victoria N. Zarytovskaya. Modern Arabic Literature. "The Breaker" Edwar Al-Kharrat. *Asia and Africa today*. 2022. № 8. Pp. 78-84 (In Russ.). DOI: 10.31857/S032150750021327-1

ВВЕДЕНИЕ

Арабская литература имела самобытный путь развития, predeterminedный рядом объективных исторических причин и культурологических особенностей - ранний расцвет поэзии в доисламскую эпоху, закрепление языковых норм в Коране уже в VII в., стремительные арабские завоевания, приведшие в итоге к небывалому научному и культурному подъему, а затем длительная стагнация и др. При этом арабская литература долгое время была рассинхронизирована с европейскими национальными литературами, которые принято делить на периоды - Античности, Средневековья, Возрождения, Романтизма, Классицизма и т.д.

Первым классическим в европейском понимании арабоязычным романом был назван, как известно, роман в духе Ж.-Ж.Руссо «Зейнаб» пера египетского политика и журналиста Мухаммеда Хусейна Хейкаля, напечатанный в 1913 г. Однако XX в. с его гуманитарными потрясениями, войнами и глобализацией стал временем, когда арабские авторы в поиске новых форм выражения уже не учились и подражали, а стали экспериментировать с последними тенденциями мировой литературы. Как отмечала специалист по египетской литературе, российский литературовед-востоковед В.Н.Кирпиченко, время показало, что творчество писателей новой волны не стало «бурей в стакане, простым подражанием европейской литературной моде» и с ростом индивидуального мастерства писателей, египетская литература «за последние полвека фактически полностью интегрировалась в мировой литературный процесс» [1, с. 9-10].

Одна из важнейших фигур зародившегося в середине прошлого века арабского модернизма в прозе крупных форм - египетский прозаик Эдвар аль-Харрат. Он поднял современные художественные техники и приемы на новые высоты уже на арабской культурной почве и египетском материале, явив концепцию «новой чувственности», которая оказывает влияние на характер стиля арабских писателей по сей день.

«АН-НАКСА» И ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ КОНЦА 1960-х - НАЧАЛА 1970-х

Та тяжелая атмосфера, которая повисла в египетском обществе после поражения в стремительной и тем более ошеломляющей Шестидневной войне 1967 г., в ходе которой Египет временно лишился своих территорий на Синае, не могла не проникнуть и на страницы художественных произведений. Эти трагические для всего Арабского мира события глубоко осмыслились и эмоционально переживались в работах арабоязычных авторов и становились отправной точкой для новаторства и экспериментов с художественными формами.

Писатели откликнулись на произошедшее непосредственно произведениями, посвященными этим событиям и их последствиям, как роман Нагиба Махфуза (1911-2006) «Любовь под дождем» (*al-hubb tahta al-matar*, 1973), в котором герои любят, хранят верность или изменяют в уже павшем духом обществе, или роман заключенного в тюрьму с 1959 по 1964 гг. за участие в левом движении Саналлаха Ибрагима (р. 1937 г.) «67», где выражена вся горечь национального поражения. Книга была написана в 1968 г., но вышла в свет почти полвека спустя из-за цензуры.

Египетская интеллигенция ранимо восприняла не только и не столько военную неудачу коалиции арабских стран, попытавшихся выступить на стороне палестинцев в палестино-израильском конфликте, сколько несостоятельность собственного государства и выявленные в поисках причин поражения случаи коррупции и разгильдяйства военных и чиновников, лживо рапортовавших о победах, а также последовавшее сворачивание демократических свобод и отсутствие какой бы то ни было реальной оппозиции [2].

Выдающийся саудовский романист Абдель Рахман Муниф (1933-2004) назвал 1967 г. «важной вехой в истории арабской литературы, ... потрясением привычного в сознании и годом рождения нового арабского романа» [2]. После 1967 г. объем издаваемой беллетристики вырос во всех арабских странах, не только в Египте, но и в Сирии, самой Палестине, Ираке и др. При этом дискурс национального возрождения (*an-nahda*) сменился дискурсом поражения (*an-naksa*), в рамках которого шел поиск причин катастрофы и способов, если не преодоления, то примирения с действительностью.

Произошел не просто взрывной рост числа издаваемых на арабском языке книг. Социальный реализм на тот момент достигает в арабской литературе расцвета в творчестве прежде всего Нагиба Махфуза, получившего в 1988 г. Нобелевскую премию по литературе за «Каирскую трилогию» (*thulaasiyyat al-qaahirah*, 1956-1957), которая по сей день занимает первую строчку в списке лучших арабских романов XX в. по версии Союза арабских писателей [3].

Однако инструменты реализма после 1967 г. оказываются для всё большего числа авторов недостаточно выразительными и убедительными. Появляются новые имена, которым суждено заложить фундамент новейшей арабской литературы, еще «плотнее сшив» восточные мотивы и последние европейские тенденции.

В пробе новых форм упомянутый выше Саналлах Ибрагим пишет роман «Комитет» (*al-lajna*, 1981), определяемый критиками как кафкианский. А Нагиб Махфуз, будто подтверждая, что приемы социального реализма исчерпали себя в новой действительности, создает далекое в художественном плане от своей же классической трилогии произведение - короткий полифонический роман потоков сознания «Торжество возвышенного» (*afraah al-qoubba*, 1983), где единственное и основное событие - загадочная смерть молодой театральной актрисы - вопреки канонам вынесено за рамки действия, то есть уже случилась до начала повествования. На переднем фоне расследования её внезапной кончины мы видим, что вся труппа и служащие театра говорят о государстве как об отчужденной системе, каждый из героев замкнут на трагизме собственной судьбы и обижен на близких. Но, пожалуй, самое раннее и самое яркое обращение к модернистским техникам в прозе принадлежит египтянину Эдвару аль-Харрату.

ТВОРЧЕСКИЙ МЕТОД КОРОТКИХ РАССКАЗОВ ЭДВАРА АЛЬ-ХАРРАТА

Среди тех факторов, под влиянием которых складывался творческий метод писателя и ранжировалась тематика его произведений, мы выделим два.

Во-первых, это общее настроение безысходности и растерянности конца 1960-х гг., которым пронизаны его рассказы. Неслучайно столкновение с чиновничьей махиной и чувство беспомощности обывателя становятся главным мотивом работ второго сборника Эдвар аль-Харрата - «Часы высокомерия» (*sa'atul kibriyaa'*, 1972).

Во-вторых, это идеология национально-революционных левых движений, которыми увлекалась египетская молодежь в 1940-х гг. на волне сопротивления колониализму. В 22 года Эдвар аль-Харрата, бывшего секретарем александрийского кружка троцкистского толка, задержали и приговорили к двум годам лишения свободы, которые он провел в лагере для заключенных под Александрией. Гораздо позднее в интервью интернет-изданию от 1999 г. он отнесет свои юношеские политические увлечения, а также частые смены места работы в молодости на счет собственного увлекающегося характера [4].

В конце 1940-х гг., после освобождения, в жизни аль-Харрата происходят радикальные изменения, сознательно, на наш взгляд, спланированные. Он перебирается из портовой Александрии в столицу - Каир, получает после имеющегося юридического филологическое образование и так же резко меняет род занятий - работает уже не в банковской сфере, а занимается переводами, затем пишет собственные первые работы. Его революционно-авантюристский дух находит другой выход и выплескивается не только в виде сознательного поворота судьбы, но и в виде смелости экспериментировать с текстом, едва войдя в литературный мир, «по-бунтарски» не следовать заложенным образцам и паттернам [5], «взламывать границы», как метко охарактеризовал его творчество авторитетный египетский критик Махер Шафик Фарид [6].

Литераторы после выхода первых же книг аль-Харрата (сборники рассказов «Высокие стены» (*hiitaan 'aaliya*, 1959) и «Часы высокомерия» (*sa'atul kibriyaa'h*, 1972)) противопоставляют его египетским классикам - Тахе Хусейну, Тауфику аль-Хакиму, Ихсану Абд аль-Куддусу, но прежде всего - будущему Нобелевскому лауреату, романисту Нагибу Махфузу и мастеру короткого рассказа Юсефу Идрису [7].

На этом противопоставлении возникает термин «аль-махфузия» (от имени Нагиба Махфуза), подразумевающий египетский зрелый социальный реализм, формировавшийся всю первую половину XX в. Противовесом ему видят революционное, но уже в другом смысле, творчество Эдвар аль-Харрата. При этом персонажи рассказов аль-Харрата служат проводниками, вероятно, все тех же мыслей, что занимали писателя в Александрии в ее политических кружках - мыслей о несправедливости, коррупции, которые вводят человека в состояние беспомощности и крайнего отчаяния.

Таково настроение финала рассказа аль-Харрата «Вокзал» (*mahatta as-sikkati al-hadiid*, 1955, перевод на русский - В.Э.Шагала), в котором мальчик, возникший из ниоткуда в последней сцене, вовсе не мальчик, как может догадаться читатель, а главный герой рассказа - мужчина, сошедший с поезда и до такой степени ощущающий свою беспомощность перед миром (у него не было билета, и он не смог пройти заслон контролеров и выйти в город), что сам сюрреалистическим образом кажется мальчиком, и автор именно так его изображает, переключив регистр возраста своего героя:

Мальчик бежит и бежит, натываясь на чьи-то колени и сумки, ничего не видя сквозь соленые слезы. Он зовет мать, но его слабый голос не слышен за тяжелыми шагами прохожих.... Он бежит и бежит и все зовет на помощь (цит. по: [8, с. 533]).

Среди техник, которые позволили назвать первые же рассказы аль-Харрата новаторскими в контексте арабской литературы середины XX в., когда преобладающим жанром был классический роман, - эксперимент с хронотопом - скачки во времени, расплывчатость места действия, смещение авторского фокуса, явление т.н. «новой чувственности» (термин, введенный самим аль-Харратом в его критической статье с

одноименным названием), выраженный в детальном внимании к субъективным внутренним ощущениям героя.

Аль-Харрат заставляет читателя смотреть на мир и события под углом зрения своего героя, точнее, не только смотреть, но и физически чувствовать то, что испытывает герой. Освежающий ветер, нестерпимые запахи, рывки поезда, качка, усталость, подавленность, ожидания и надежды, связанные с большим городом, и т.д. - все, что видит, чувствует, слышит, вдыхает, наконец, переживает пассажир поезда, приближающегося к Александрии - все это рисует нам автор, ставя перед собой цель вызвать «со-чувствие»:

В набитый до отказа вагон ворвался бледный, припорошенный пылью свет и заметался в узком пространстве, насыщенном смрадным дыханием усталых людей, которых гнал все дальше и дальше бешено мчавшийся поезд.

Вместе со светом в вагон ворвался ветер Александрии, раскинувшейся под вечерним небом. Он принес столь отрадную для сердца прохладу. Поезд весь содрогался, готовясь совершить последний рывок. А город, обозначенный извивающейся лентой огней, казалось, подмигивал, суля покой и исполнение заветных желаний (цит. по: [8, с. 528]).

Нельзя не упомянуть также, что в 1958 г. аль-Харрат завершает и издает перевод на арабский с французского «Войны и мира» Л.Н.Толстого. Этот факт достоин отдельного исследования, т.к. ставит ряд интереснейших вопросов, и прежде всего: почему писатель, которого назовут одним из основателей арабского модернизма, берется за классический роман, к тому же такой большой по объему, будучи вынужденным осуществить перевод через язык-посредник, а значит - с огромными трудностями?

Очевидно, что это добровольный и сознательный выбор аль-Харрата, который сам начинает работать в совершенно иных формах малого рассказа, ставит опыты с хронологией сюжетной канвы, авторским началом и т.д. Повлиял ли опыт работы с текстом Толстого на творчество самого аль-Харрата? Был ли обусловлен этот выбор тем, что копт аль-Харрат выбрал для перевода текст крупнейшего писателя страны, принадлежащей к Восточной Православной Церкви, как и Египет?

Это возможное влияние на аль-Харрата, которое необходимо еще изучить, мы оставим под вопросом. Тем не менее, арабские исследователи высказывают мнение о том, что основополагающими механизмами в формировании личности аль-Харрата были именно его принадлежность к ортодоксальной церкви и переводческий опыт, через который он знакомился с другими культурами, в т.ч. русской [9].

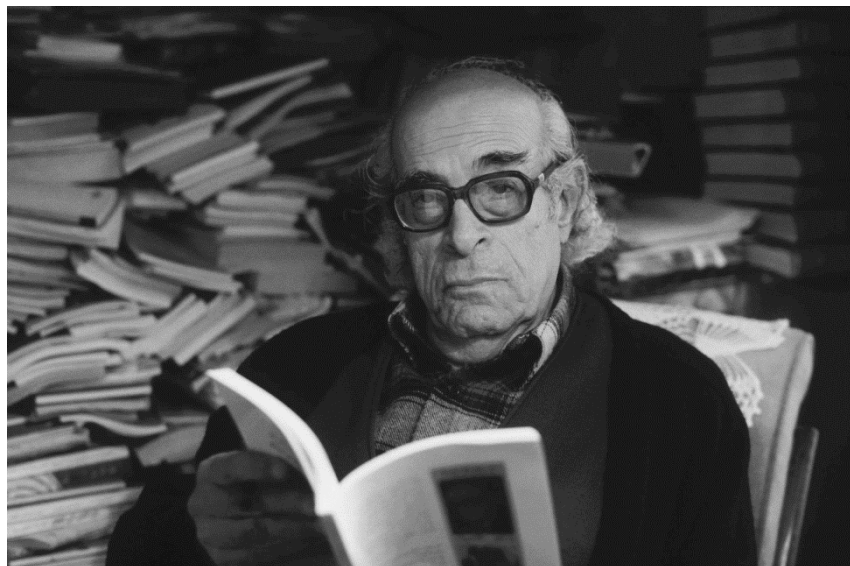

Фото. Эдвар аль-Харрат.

Photo. Edwar Al-Kharrat.

Источник: <https://new.bidoun.org/articles/edwar-al-charrat-on-egypt-s-young-literary-scene>

«ПРОРЫВ АРАБСКОГО РОМАНА»

Роман Эдвара аль-Харрата «Рама и дракон» (*raama wat-tiniin*, 1980, общеарабская литературная премия Нагиба Махфуза 1999), вышедший через два десятка лет после начала его литературной деятельности и,

вместе с тем, ставший лишь третьей книгой писателя и первым его полноценным романом после двух упомянутых сборников рассказов, стал громким событием литературной жизни всего Арабского мира.

На сегодня роман «Рама и дракон» занимает 8-ю строчку в списке 100 лучших арабоязычных романов за всю историю. При этом в Союзе арабских писателей эту работу аль-Харрата назвали «прорывом арабского романа» [2].

Роман построен как диалог между женщиной-мусульманкой (Рама) и мужчиной-коптом (Михаил). Михаил пытается бросить вызов обществу, которое не принимает межконфессиональный брак, но, в конце концов, смиряется, прячет свою любовь глубоко в сердце и удаляется.

Но это не роман двух голосов, сам разговор пропускается через сознание Михаила, является его личным воспоминанием и только в виде интерпретации предъявляется читателю.

Он заключил, как бы завершая диалог с самим собой: «Знаешь, Рама, смерть, любовь и свобода - все это абстракции, иллюзии и навязчивые идеи, которых никто не видел. Как познать сокращение сердечной мышцы, распирающие в груди или ясность ума? Никто не познает этого, иначе как изнутри. Все что знает обо мне другой - лишь теоретически, приблизительно и поверхностно» (цит. по: [10, с. 140], перевод авторов).

Тем самым роман стремится, скорее, к полюсу субъективности, чем объективности, здесь аль-Харрат остается верен своему принципу интереса к внутреннему миру человека и чувственности.

Вместе с тем, произведение настолько многослойно, что в нем прослеживаются не только дихотомии мужского и женского, ислама и христианства, но и другие, например, современности и древности, деловитости, воплощением которой выступает Рама, и неуверенности, романтичности, свойственные Михаилу.

В названии книги сделан акцент на борьбе человека с диким зверем, который символизирует как внешние враждебные силы, так и ту часть темной природы или характера человека, которые заключены в нем самом.

Можно утверждать, что образ дракона является одним из самых распространенных в мировой литературе. Сюжет о чудовище, змее, химере, гидре мы находим, в первую очередь, в Библии, где змей предстает в роли искушителя, а также в апокрифической литературе, откуда, как нам думается, аль-Харрат и заимствовал символику, поскольку Георгий-Победоносец (*Mar Girgis* - в арабском прочтении) является одним из самых почитаемых святых у коптов.

Этот же сюжет «кочует» из одной мифологии в другую, из одних народных сказок в другие - от Медузы-Горгоны, драконов Юго-Восточной Азии до русского Змея Горыныча. Произведения под названием «Дракон» есть у русских писателей XX в. - рассказ Евгения Замятина (1919) и пьеса Евгения Шварца (1944). Именно дракона, а не имя главного героя Михаила, аль-Харрат выносит в название своего модернистского романа, подчеркивая таким образом, что главное противостояние разворачивается не между Рамой и Михаилом, не между исламом и христианством, Верхним и Нижним Египтом, а внутри самого человека: это борьба с его темной стороной, которую и символизирует чудовище, а не борьба с человеком как таковым.

Надо сказать, что присутствие какой-то высшей темной силы ощущается героями аль-Харрата еще в его ранних рассказах. Вот что почувствовал один из них в обычном подземном вокзальном переходе:

Но вдруг в этом мире, еще мгновение назад принадлежавшем ему, появляется «некто». Он слышит чьи-то шаги, ощущает чье-то дыхание. Он не знает, кто это. Знает лишь, что это «некто» поджидает его. Наблюдают, высматривают, следят. Выбирает момент, чтобы напасть... Чей-то взгляд сверлит его спину, но оглянуться страшно. Широкая пустынная лестница уходит вниз. А страх исходит откуда-то сверху (цит. по: [8, с. 530]).

К содержательным характеристикам романа относится, прежде всего, обращение к извечным темам любви, жизни и страдания в свете эллинистической и ближневосточной мифологии, а также культуры Древнего Египта, прямыми наследниками которого себя считают копты, одними из первых принявшие христианство. Все это позволяет говорить об энциклопедичности знаний автора и интеллектуальном характере книги.

«Да, идеальная нота... золотая середина... всегда разумное решение, логичное и куда более убедительным кажется, как будто другого выхода нет и неизбежно нужно признать его правильность... Аристотелевское решение... Значит, я перипатетик» (цит. по: [10, с. 60], перевод авторов).

Кроме того, исследователи выделяют такие особенности текста «Рама и дракона», как замена сюжета описанием при отсутствии событийной цепочки, что является прямым следствием перемещением «центра тяжести» на внутренний мир героя и интереса к чувственности, а не внешнему окружению и обстоятельствам, а также близость текста к кинематографическому сценарию, в котором «камера» автора показывает нам, например, место действия, наводя фокус на определенные детали, но не называя конкретное место. Высоко оценен и язык книги, которому было дано определение «касыды в прозе» (*qasidah an-nathr*) за поэтичность, образную наполненность и ритмичность [11].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Феномен Эдвара аль-Харрата заключается в том, что в арабскую литературу он вошел, не будучи должителем чьих-либо традиций [12]. Его называют неповторимым и неподражаемым, добавим, что сам аль-Харрат свой роман «Рама и дракон» считал к тому же и непереводаемым¹. Но при этом признается «тектоническое» влияние аль-Харрата на творчество писателей 1970-1980-х. Он не только «повернул» современную ему арабоязычную прозу крупных форм в модернизм, но и явил непревзойденный его образец, а также разработал концепцию «новой чувственности» [13], воспринятую последующими поколениями как школу [11]. Литературные награды аль-Харрата, свидетельствующие о его признании, многочисленны - кроме государственных премий и упомянутой премии Нагиба Махфуза за роман «Рама и дракон», это Орден француско-арабской дружбы 1991 г., премия Султана бин Али аль-Овейса за 1994-1995 гг., награда IV Форума арабского романа в 2008 г.

Безусловно, первые опыты арабского модернизма принадлежат ливанским поэтам-маронитам² [14], но это был опыт сначала «замкнутый» на одной стране и общине. Затем общеарабским достоянием стала модернистская поэзия сирийца Адониса (р. 1930; премия Гёте 2011; премия Набокова за достижения в области международной литературы 2017), палестинца Махмуда Дервиша (1941-200; македонская поэтическая премия «Золотой венец» 2007), сирийцев Низара Каббани (1923-1998) и Мухаммеда аль-Магхута (1934-2006; Орден за заслуги I степени, врученный Башаром Асадом; премия Султана бен Али аль-Овейса (ОАЭ) 2005, и др.), а в жанре романа это направление в арабской литературе на большую высоту поднял именно Эдвар аль-Харрат.

Мы не можем назвать прямого последователя или непосредственного ученика аль-Харрата, однако «сдвиги», которые он произвел в свое время в арабской литературе, имеют, на наш взгляд, большую значимость, чем имело бы наличие писателей, работающих в его стиле. Как отмечают арабские исследователи, «последователями аль-Харрата стали не те, кто копировал, а кто, экспериментируя, достигал художественной зрелости за рекордно короткое время» [15].

Говоря о влиянии аль-Харрата, мы подразумеваем не столько серию однотипных романов, сколько его поддержку авторов новой волны [16], в частности в издаваемом им авангардистском журнале «*Gallery 68*» (68 - по году выпуска первого номера), в котором печатали свои работы ставший впоследствии одним из самых читаемых прозаиков Египта Гамаль аль-Гитани (1945-2015), лауреат премии Тахи Хусейна (1989), государственной премии (2003-2004), премии Кавафиса (2005), Ибрагим Аслан (1935-2012), Баха Тахер (р. 1935, обладатель Арабского Букера 2008), поэт Амаль Дункуль (1940-1983) и др., а также плеяду современных нам египетских прозаиков, которые открыто, как Ибрагим Фаргали (р. 1967, роман «Храм шелковых перстов» (*ma'bad anaamil al-hariir*) в лонглисте Арабского Букера 2016), называют аль-Харрата своим учителем [17].

ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

1. Кирпиченко В.Н. Вступительная статья. *Любовь в Изгнании. Комитет*. М.: Центр книги ВГБИЛ имени М.И.Рудомино, ИВ РАН, 2010, с. 9-12.
Kirpichenko V.N. 2010. Introductory article. *Love in Exile. The Committee*. Moscow. (In Russ.)
2. Shuhrah Balghuul. Arabic novel and Naksah of June 1967. *Al-Kalimah*. 2013. № 73 (In Arab.). <http://www.alkalimah.net/Articles/Read/5382> (accessed 03.04.2022)
3. 100 best Arabic novels in the 20th century (In Arab.). <https://www.arageek.com/2018/01/14/20-century-best-novels> (accessed 29.03.2022)
4. Selections. *Banipal*. 1999. № 6. <http://www.banipal.co.uk/selections/51/145/edwar-al-kharrat/> (accessed 18.06.2022)
5. Edwar al-Kharrat. Realistic self-fantasies. The owner of literary dreams leaves Alexandria (In Arab.). *Al-Arabiy al-Jadid*. 02.12.2015. 457 p.
6. Maher Shafiq Farid. Breaking the borders. Cairo: Markaz al-Hadharah. 2003. 189 p. (In Arab.)
7. Муборакова Д.А. Становление и эволюция египетского романа (XX век). *Наука и современность*. 2010, № 2, с. 181-184. <https://cyberleninka.ru/article/n/stanovlenie-i-evolyutsiya-egipetskogo-romana-hh-vek>
Muborakova D.A. 2010. Formation and evolution of the Egyptian novel (XX century). *Nauka i sovremennost*. № 2, pp. 181-184 (In Russ.).
8. Эдвар аль-Харрат. Вокзал. Избранные произведения писателей Ближнего Востока. Москва: Прогресс, 1978, с. 528-533.
Edwar al-Kharrat. 1978. *Station. Selected works of the Middle Eastern writers*. Moscow. Pp. 528-533 (In Russ.).

¹ Перевод романа на английский язык, вопреки заявлению автора о его непереводаемости, был осуществлен Джоном Верленденом и Ферриал Газуль в 2002 г. (*прим. авт.*).

² Марониты - христиане восточнокатолической церкви арамейского происхождения, в основном проживающие в Ливане (*прим. авт.*).

9. Mohammed Ishaq. Edwar al-Kharrat in the light of his novels. *Aqlam al-Hind*. 2021, № 3 (In Arab.).
10. Edwar Al-Kharrat. Rama and the Dragon. Cairo: Al-mu'assasat al-'arabiyya lid-diraasaat wan-nashr. 1980 (In Arab.).
11. The Arabic novel has its influence on world literature (In Arab.). <https://alarab.co.uk/الرواية-العربية-لها-تأثير-ها-في-الأدب-العالمي/> (accessed 02.04.2022)
12. Ikram Lamy. The passing of Edward Al-Kharrat, the next generation writer (In Arab.). <https://www.shorouknews.com/columns/view.aspx?cdate=18122015&id=659d854a-304d-464c-8cce-1e926307e7df> (accessed 12.04.2022)
13. Edwar al-Kharrat: Novel and modernity. Cairo: Markaz al-Hadharah, 2002, pp. 12-13 (In Arab.).
14. Modernity in Arabic Literature (In Arab.). <https://mawdoo3.com/الحدائثة-في-الأدب-العربي/> (accessed 28.03.2022)
15. Edwar Al-Kharrat. The Innovator of the Literary Method (In Arab.). <https://www.alkhaleej.ac/ملحق/ادوار-الخرائط-مجدد-الطريقة-الأدبية-> (accessed 13.04.2022)
16. Amal Amireh. Edwar al-Kharrat and the Modernist Revolution in the Egyptian Novel. *Al-Jadid*. Vol. 2, №. 9, July 1996. <https://www.aljadid.com/content/edwar-al-kharrat-and-modernist-revolution-egyptian-novel> (accessed 04.04.2022)
17. Ibrahim Faghaly. Edwar Al-Kharrat is the pillar of modernity in the construction of the contemporary novel... The professor of generations from whom I learned erotic writing (In Arab.). <https://alantologia.com/blogs/52227/> (accessed 14.04.2022)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ахмед Мохаммед Аль-Рахби (Оман), кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Ahmed M. Al-Rahbi (Oman), PhD (Philology), Senior Lecturer, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Зарытовская Виктория Николаевна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры иностранных языков факультета гуманитарных и социальных наук РУДН, Москва, Россия.

Victoria N. Zarytovskaya, PhD (Pedagogy), Associate Professor, Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia.

Поступила в редакцию
(Received) 29.04.2022

Доработана после рецензирования
(Revised) 26.06.2022

Принята к публикации
(Accepted) 30.07.2022